

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА ГАЗЕТ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: АТРИБУТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН КАК АДЪЕКТИВИЗАЦИЯ ИМЕНИ?

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН

В статье рассматривается употребление некоторых отглагольных имен в атрибутивной позиции в эвенкийском языке без маркера атрибутивности. Не имея показателя атрибутивности, данные имена обладают морфологическими свойствами прилагательного — факультативно согласуются с определяемым именем. Это явление — инновация, оно встречается только в письменном языке (газеты, переводные тексты). Предлагается формальный анализ конструкции с определением — отглагольным именем, а также иллюстрируются особые свойства показателей номинализации в эвенкийском языке.

Ключевые слова: лингвистика, словообразовательный аффикс, отглагольное имя, атрибутивизация, морфологическое ограничение, синтаксическая модель, согласование, эвенкийский язык.

**SPECIAL FEATURES OF EVENKI NEWSPAPER TEXTS:
ATTRIBUTIVE USE OF DEVERBAL NOUNS,
OR DENOMINAL ADJECTIVES?**

Elena Rudnitskaya
Institute of Oriental Studies RAS

In the paper, the use of certain Evenki deverbal nouns that do not have any attributive marker in the modifier position is considered. These nouns, without attaching any attributive marker, have morphological features of an adjective — they optionally agree with the head noun. This phenomenon is an innovation; such constructions occur only in written (newspaper and translated) texts, but not in the oral language. I propose the formal analysis of the construction under consideration. Some non-trivial properties of Evenki nominalizers are mentioned.

Keywords: linguistics, derivation marker, deverbal noun, attributivization, morphological constraint, syntactic pattern, agreement, Evenki.

1. Конструкция с модификатором в эвенкийском языке

В работах [Василевич 1940: 75; Константинова 1964: 102] отмечается деление основ прилагательных на первичные (непроизводные) и производные. Непроизводными могут быть только качественные прилагательные, и [Василевич 1940: 42–43, 75] отмечает, что непроизводные прилагательные — это «недифференцированные» основы, которые в зависимости от синтаксической позиции могут быть именами или прилагательными, или именами, прилагательными или глаголами (*ая* ‘хороший, хорошее’, *эру* ‘плохой, плохое’, *гугда* ‘высокий, высота’ и др.). В современных словарях [Мыреева 2004; Болдырев 2000] приводятся оба значения указанных слов, и оба значения в настоящий момент употребляются, хотя в текстах нередко преобладает или то, или другое употребление¹.

(1) а. *Чучи[н]-ма* *кул̄н-а* *ō-кал,* *гугда* *с̄ераң-д̄у*
медь-ATR змея-PART статья-IMPER.2SG высокий жердь-DAT

тар̄а *локо-кол...*
тот.асс вешать-IMPER.2SG

‘Сделай из меди змея и укрепи его на **высоком** шесте...’ [Библия для детей]

б. *омолги-л-ду* *тадук* *асатка[н]-р-ду*
мальчик-PL-DAT и девочка-PL-DAT

толгоки *гугда-н* *40 см* *би-рэ-н*
нарта высота-PS.3SG 40 см быть-NFUT-3SG

‘У мальчиков и девочек были нарты **высотой** 40 см.’ [газета]

¹ Наши данные взяты, во-первых, из корпуса устных рассказов, записанных в экспедициях 2005–2011 гг. в Эвенкийском муниципальном районе под руководством О. А. Казакевич (как часть корпуса рассказов на селькупском, кетском и эвенкийском языках на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (Малые языки), режим доступа: <http://minlang.srcc.msu.ru/>). Солидная часть примеров найдена на сайте «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН, режим доступа: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>). Из представленных на этом сайте материалов мы использовали написанные на литературном языке тексты из газет начала XXI века, а также некоторые переводные тексты начала XXI века.

Производные прилагательные (атрибутивы) образуются путем прибавления показателей атрибутивности к основам разных категорий, см. (2a–c). Показатели атрибутивности относятся к деривационным и всегда стоят перед числовыми и падежными (2d). Важно заметить, что определенные основы не могут быть основами для показателя атрибутивности, в частности, определенные отглагольные имена, ср. (2e).

- (2) а. *ды/-ты* (реляционное значение):
бѳра ‘река’ → *бѳра-ды* ‘речной’,
куѳакан ‘ребенок’ → *куѳака[н]-ды* ‘детский’
- б. *-мА* (признак по материалу):
мѳ ‘дерево’ → *мѳ-мА* ‘деревянный’,
ср. *чуѳи[н]-мА* ‘медный’ в (1a)
- с. *-пты* (признак по времени):
дѳлэ ‘перѳд’ → *дѳлэ-пты* ‘будущий’
- д. *чуѳака-ѳи-л-дѳ*
сѳпка-сѳм/сѳм.АТР-PL-DAT
‘на Сопочном (озере)’ [устный рассказ]
- е. *булѳа-кѳт(*-ты)*
охотѳться-NMLZ(.LOC)-АТР
‘охотничий (участок, период, ...)’

В эвенкийском языке широко распространена притяжательная конструкция (изафет-II), которая приблизительно синонимична атрибутивной конструкции, ср. (3a–b). Отглагольное имя на *-кѳт* возможно в притяжательной конструкции в (3b), но не образует атрибутива, ср. (2e). От имени *бѳра* ‘река’ (3a) же может образовываться атрибутив в (2a).

- (3) а. [*бѳра* *дѳлка-н*]
река край-PS.3SG
‘берег реки’
- б. [[*оро-ды* *ѳргѳ-де-кѳт*] *ѳтрасля-ду-н*]
олень-АТР воспитывать-IPFV-NMLZ ѳтрасль-DAT-PS.3SG
‘в ѳтрасли разведения/воспитания оленей’ (оленеводства)

Особенность атрибутивной конструкции эвенкийского языка (по крайней мере в северных и южных говорах²) состоит в том, что атрибутивное слово факультативно согласуется с определяемым именем в числе и падеже; это показано в (4a–d). В (4a–b) это видно на примере атрибутива *эвэ-ды* ‘эвенкийский’; в (4c–d) показано согласование непроизводного качественного прилагательного *ая* ‘хороший’ и редко согласующееся указательное местоимение *таp* ‘тот’. Условия и причины вариативности согласования не входят в круг интересующих нас проблем в рамках данной работы³.

- (4) a. *эвэ-ды-вэ* *праздник-ва*
 эвенк-ATR-ACC праздник-ACC
 ‘[Люди встречали] эвенкийский праздник [начало лета и нового года].’ [история эвенкийской культуры на сайте КИАЭ РАН]
- b. *би* *ая-т* *са-ча-в* *эвэ-ды* *композитор-ва*
 я хороший-ADVZ знать-PST-1SG эвенк-ATR композитор-ACC
 ‘Я хорошо знал эвенкийского композитора [и певца Олега Чапогира].’
 [газета]
- c. *о-дя-уки-тын* *ая-л-ду* *дуннэ-л-ду*
 статья-IPFV-PSTITER-3PL хороший-PL-DAT земля-PL-DAT
 ‘[Постоянные стойбища] становились хорошими землями.’ [история эвенкийской культуры на сайте КИАЭ РАН]

² В работе [Василевич 1948: 10–11, 18] по фонетическим критериям выделяются три диалекта (северный, южный и восточный), которые делятся всего более чем на пятнадцать говоров. В настоящее время различия между диалектами и говорами до некоторой степени нивелировались, однако их следы можно обнаружить [Клячко, в печати]. В восточном диалекте нет согласования в именной группе.

³ Согласование внутри именной группы в эвенкийском языке не является инновацией. Известно, что в финских и карельских языках, которые входят в циркумбалтийский ареал, имеется согласование прилагательного с существительным в именной группе [Kortjevskaya-Tamm, Wälchli 2001: 692–694]. В данной работе это согласование трактуется как общая черта циркумбалтийских языков, источником которой является индо-европейское согласование. В этой работе и в работе [Vilkuna 1998: 177] отмечается, что согласование в роде и числе есть в финском и эстонском языке, а в некоторых пермских и самодийских языках наблюдается факультативное согласование в числе. Для уральских языков характерно посессивное согласование. Вопрос о том, является ли факультативное согласование в числе и падеже в эвенкийском языке чертой, заимствованной из циркумбалтийских языков или из русского языка, недостаточно изучен.

d. *тар портрет-ва*

тот портрет-АСС

‘Тот портрет [забрали на выставку].’ [газета]

Не очень понятно, можно ли в эвенкийском языке говорить о категории прилагательного. Непроизводные прилагательные — это основы, которые в зависимости от синтаксической позиции и морфологического оформления могут относиться к разным категориям (частям речи). Производные прилагательные в типологическом понимании скорее являются атрибутивами. В следующем пункте будут рассмотрены имена, к которым не присоединяются показатели атрибутивности, но которые в письменном языке XXI века могут быть определениями: эти имена, как и атрибутивы, могут согласовываться с определяемым именем в числе и падеже. Данное явление — инновация, встречающаяся только в письменных текстах и указывающая на тенденцию изменений в морфосинтаксисе эвенкийского языка.

2. Отглагольные имена на *-вӯн*, *-кӯт*, *-дяк* в эвенкийском

Как уже говорилось в п. 1, показатели атрибутивности широко распространены в эвенкийском языке и могут присоединяться к основам разных частей речи, как минимум именным и глагольным. В (2e) показано, что отглагольные имена на *-кӯт* не могут служить основами, к которым присоединяется показатель атрибутивности. То же верно для основ на *-вӯн* ‘NMLZ.REZ/NMLZ’, *-дяк* ‘NMLZ.LOC’, *-мнӯ* ‘NMLZ.AG’ и других показателей номинализации⁴. В идеале, в таких случаях вместо конструкции с атрибутивным определением должна использоваться посессивная конструкция, ср. (3b). Тем не менее в письменном языке отглагольные имена с перечисленными аффиксами могут стоять в атрибутивной позиции без атрибутивного аффикса и функционировать как определение. При этом у данных имен возможно согласование с определяемым именем в числе и падеже, ср. (5a–c) (без согласования) и (6a–d) (с согласованием).

⁴ Имеются в виду только показатели, образующие «сложные события», см. сноску 7.

Примеры образования имен с помощью этих показателей:

-кӯт/-кит, *-дяк* (*-кӯт*, *-д’Ак*) NMLZ.LOC/NMLZ: *булта-кӯт* ‘охотиться-NMLZ.LOC’ ‘место охоты’; *ин-кӯт* ‘жить-NMLZ’ ‘жизнь’; *би-дек* ‘быть-NMLZ.LOC’ ‘место пребывания’ [полисемия ‘место действия’ — ‘действие’];

-вӯн/-вӯн (*-вӯн*) NMLZ.RES/NMLZ.INSTR/NMLZ: *ини-вӯн* ‘грузить-NMLZ.RES’ ‘вьюк’; *пектырѣ-вӯн* ‘стрелять-NMLZ.INSTR’ ‘ружье’; *хавали-вӯн* ‘работать-NMLZ’ (олени для) ‘работы’.

- (5) a. *статья-ли* [*«Ха-вун дотация-л»*]
 статья-PROL добавить-NMLZ дотация-PL
 ‘[Расходы на оленеводство увеличили] в [законодательной] статье
 «**Добавочная дотация**».’ (# дотация для добавления) [газета]
- b. [*авгара-кит училища-т*]
 лечить-NMLZ училище-INSTR
 ‘[Школу назвали] **медицинским** училищем.’ (по медицине) [газета]
- c. [*нунан балды-дйк тўрб-р-ди-н*]
 он/она родиться-NMLZ.LOC язык-PL-INSTR-PS.3SG

тўрбт-чэрй-вэ-тын
 говорить-PTCP.SIM-ACC-PS.3PL
 ‘[Каждый слышал, что апостолы] говорят на его **родном** языке.’
 (букв.: ‘на языках мест, где родились’) [Библия для детей]
- (6) a. *ани-вун-ма альбом-ва*
 присылать.подарки-NMLZ-ACC альбом-ACC
 ‘[Каждому ученику И. В. Мукто вручил] **подарочный** альбом (альбом для подарка) ... [и значок].’ [газета]
- b. *ирэмт-кйт-ье дептылб-е-вун*
 угощать-NMLZ.LOC-PART еда-PART-PS.1PL
 ‘[Мать собрала] нам еду **для угощения**.’ [Колесникова 1966: 154]
- c. *иру-дйк-тулб хокто-лб*
 тащить-NMLZ.LOC-ALL дорога-ALL
 ‘[Мы вышли] на дорогу **со [старой] колеей**.’ (букв.: ‘с местом, по которому тащат что-либо’) [Колесникова 1966: 154]
- d. *итыга-ву[н]-р хава-л*
 готовить-NMLZ-PL работа-PL
 ‘**Подготовительные** работы [начались].’ [газета]

В работе [Колесникова 1966: 154–155] приводятся также отыменные формы, которые не присоединяют показателей атрибутивности, но могут, как и рассматриваемые отглагольные имена, стоять в позиции определения и согласовываться с определяемым существительным: формы на **-чи**, **-лАн**, **-тАй**, **-нун** ‘СОМ/СОМ.АТР’ со значением наличия признака или обладания, а также формы на **-ңАчин** /**-гАчин** ‘ЕQT’ (транскатегориальный

аффикс типа COMP с эллипсисом — см. [Nedjalkov 1997: 122–123]). Мы не рассматриваем эти аффиксы подробно, хотя надеемся, что наш анализ для отглагольных имен можно будет распространить также и на них.

3. Анализ приведенного материала

П. В. Гращенков в работе [Гращенков 2019: 114–115] предлагает анализ атрибутивного употребления имен, обозначающих в первую очередь материал и также национальность, в представительной выборке языков, проиллюстрированных в (7а–е) [= (149)–(154) из этой работы]:

(7) а. английский

stone *wall*
камень стена
'каменная стена'

б. черкесский

рхе *wәпe*
дерево дом
'деревянный дом'

с. татарский

агач *күпер*
дерево мост
'деревянный мост'

д. бирманский

svej² *thi³*
золото зонтик
'ЗОЛОТОЙ ЗОНТИК'

е. коми

butaga *kerob-ys*
бумага коробка-3.SG
'бумажные коробки'

В (7а–е) представлено немаркированное контактное соположение имен, составляющее атрибутивную конструкцию. Если считать, что атрибутивность — базовое отношение между модификатором и вершиной, — то морфологическое оформление имени-модификатора может в определенных

случаях быть нерелевантно для идентификации атрибутивной конструкции. Данная конструкция не предполагает каких-либо изменений в морфологических характеристиках имени: имя не приобретает морфологических свойств атрибутива или прилагательного. Конструкция анализируется как атрибутивная без рекатегоризации имени-модификатора. В (8) это имя представлено вершиной (N_{ATR}), а не фразовой проекцией:

$$(8) \quad [_{NP} N_{ATR} [_{N'} N_{HEAD}]]$$

Примеры, приведенные в п. 2 ((5a–c)–(6a–d)) показывают, что в эвенкийском имя-модификатор может (в (6a–d)) присоединять согласовательный падежный и/или числовой аффикс. Значит, анализ типа (8) нельзя распространить на эвенкийскую конструкцию, представленную в (5)–(6). Однако можно ли утверждать, что имена на *-вӯн*, *-кїт*, *-дяк* претерпевают рекатегоризацию или конвертируются в прилагательное (Adj), когда становятся модификаторами? Такое решение кажется избыточным, если учесть, что, как следует из п. 1, необходимость выделения категории прилагательного в эвенкийском языке не очевидна. Более типологически ориентированное решение (см. [Lyutikova, Pereltsvaig 2015: 319; Гращенков 2019, п. 2.1.3, (143)]) — ввести проекцию атрибутивности A(tr)P, которая может доминировать над разными проекциями типа XP – VP, NP и т.д., как в (9a). Для имен на *-вӯн*, *-кїт*, *-дяк* (примеры (5a–c), (6a–d) vs. (2e)) действует правило (9b).

$$(9) \quad \text{a. } [_{AP} \text{XP } [_{A'} \text{A } (\emptyset)]] \text{ [для (5a–c), (6a–d)]}$$

$$\text{b. } \text{XP} = \text{NP}$$

Структура типа (9a) с уточнением (9b) совместима с введением проекции AP для эвенкийских непроеизводных прилагательных (1a), (4c) и местоимений (4d) в атрибутивной позиции, в структуру которых, согласно концепции П. В. Гращенкова, вводится AP (и тогда их уже нельзя считать недифференцированными основами), а также для основ с показателем атрибутивности ((2a–d), (4a–b)) и т.д. Если (в структуре (9a)) в спецификаторе AP (SpecAP) стоит XP, то A — нулевая вершина. При ненулевом показателе атрибутивности структура, т. е. (9c), предполагает деривационную схему с инкорпорацией вершины X в A.

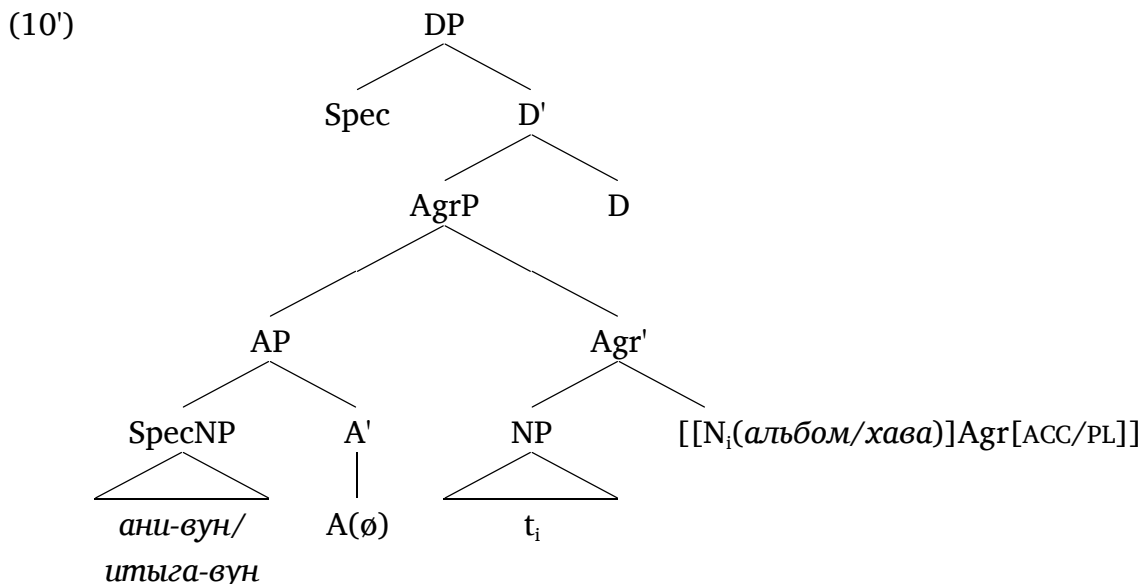
$$(9) \quad \text{c. } [_{A} [_{A} \text{X} + \text{A}]] \text{ [для (2a–d), (4a–b)]}$$

Если принять схему (9а), вся группа с модификатором на *-вўн*, *-кўт*, *-дяк* представлена в (10). Структура (10) основана на схеме для факультативного согласования по категории гоноратива в именной группе в корейском языке в работе [Kim 1997: 8].

(10) $[_{DP} [_{AgrP} [_{AP} \text{XP} [_{A'} \text{A} (\emptyset)]]] [_{Agr'} \text{phi-features}] \dots [_{NP} [_{N'} \text{N}]]]$

В (10) AP стоит в спецификаторе проекции AgrP (AgrP = [PossP (редко) + KP + NumP]). Теоретически, согласование по падежу и числу (в (6а–d)) происходит, если вершина N поднимается из NP и инкорпорируется в Agr, передавая Agr свои согласовательные признаки (phi-features)⁵.

Проиллюстрируем схемы (9а–b) и (10) для примеров (6а) *ани-вун-ма альбом-ва* ‘подарочный альбом’ [ACC] и (6е) *итыга-ву-р хава-л* ‘дополнительные работы’ [PL] в (10'). Можно ли считать, что структуры для (5а–с) аналогичны, только вершина N (*училища-т* ‘училищем’ [INSTR]) в (5b)) остается *in situ*, внутри NP, и поэтому NP *авгара-кит* ‘медицинский’ не согласуется с *училища-т* ‘училищем’ по категории падежа?

⁵ В схеме (10) мы не используем анализ группы «модификатор+имя» как редуцированной клаузы [Babby 1973]. Это связано с тем, что, хотя у нас нет данных, полученных в результате элицитации, в текстах не удалось обнаружить имена на *-вўн*, *-кўт*, *-дяк* в предикативной позиции. В работе [Константинова 1964: 120–121] приводятся примеры на предикативную позицию практически только имен на *-чи* ‘СОМ/СОМ.АТР’, и подобные же примеры найдены в корпусе текстов.

Если постулировать вслед за [Chomsky 1993], что Agr в (10') имеет сильные неинтерпретируемые признаки числа и падежа, эти признаки обязательно должны быть проверены (checked) в локальной согласовательной конфигурации "Spec-Head agreement", которая невозможна без подъема $N \rightarrow \text{Agr}$. Тогда возникает вопрос: почему, если подъема все же не происходит, как в (5a–c), не происходит краха деривации (из-за того, что признаки числа и падежа у вершины Agr не получают нужных значений согласовательных признаков от N), а деривация остается правильной, только без согласования? Если же считать, что у Agr слабые, а не сильные признаки числа и падежа, согласование должно иметь место и в (6a–d), и в (5a–c). То есть то, поднимается ли N в Agr в (10)–(10'), не может различить случаи с согласованием и без согласования.

Возможно, в схеме для (5a–c), в отличие от (6a–d), следует ввести дополнительную проекцию XP, доминирующую над NP, вершина которой X содержала бы оператор Op. Этот оператор бы содержал дополнительные «нулевые» признаки рода и числа. По модели сильных неинтерпретируемых признаков Agr в (5a–c) происходил бы подъем $X[\text{Op}] \rightarrow \text{Agr}$, а не $N \rightarrow \text{Agr}$ (поскольку X, а не N — ближайшая к Agr вершина: см. ограничение на передвижение вершин [Rizzi 1990: 92–94]). Тогда вершина Agr получила бы «нулевые» согласовательные признаки, и примеры (5a–c) были бы грамматически правильными.

Вернемся к вопросу о том, почему схема (9c) не описывает имена на *-вӯн*, *-кїт*, *-дяк*. Такое имя не может служить основой типа X (ср. (2e)). Помимо рассмотренных данных по согласованию, обоснованием для схемы (9a) является то, что у имен на *-вӯн*, *-кїт*, *-дяк* может быть так называемое «управляемое определение», в терминах [Василевич 1940: 135–136], ср. (11a–c)⁶. Поскольку аккузативный объект в этих примерах — управляемое дополнение, мы предлагаем анализ подобных номинализаций, идентичный анализу агентивных номинализаций NMLZ.AG в якутском языке в работе

⁶ И в устных рассказах, и в корпусе письменных текстов аккузативный объект в номинализациях на *-вӯн*, *-кїт*, *-дяк* ограничиваются одним словом: *орон* 'олень', чаще всего во множественном числе: *оро-р-во* 'олень-PL-ACC' «олений». Привлечение данных словарей и сравнение с более ранними текстами показывает, что номинализация с аккузативным объектом на *-вӯн*, *-кїт*, *-дяк* в современном языке непродуктивна, ее следует описывать скорее как набор «фразовых лексем» («phrasal lexical items») [Jackendoff 1997: 554–555]. Однако такое описание не меняет наш анализ в (9a–b) vs. (9c).

[Baker, Vinokurova 2009: 537–538, 549], см. (12)⁷. В эвенкийском языке агентивные номинализации с аккузативным объектом также употребляются, ср. (13a–b). В (11a–c) мы помечаем границы VP, которая, в соответствии с (12), подвергается номинализации.

- (11) а. [_{VP} Север-га-р оро-р-во ирги-де]-к̄ит
 север-RESID-PL олень-PL-ACC воспитывать-IPFV⁸-NMLZ.LOC
 ‘Оленеводческая ферма для оленей Севера.’ (название заповедника для этнотуризма) [газета]
- б. oləñiwodi-l huŋtu ism’iñi = ism’iñi-rə-∅
 оленевод-PL другой изменить.SLIP изменить-NFUT-3PL
- [_{VP}oron-∅-mi⁹ irgi]-hīt-pə
 олень-ACC-RFL воспитывать-NMLZ-ACC
 ‘Другие оленеводы изменили воспитание оленей.’ [устный рассказ¹⁰]
- в. [_{VP}оро-р-∅-вор оуко]-к̄ич-шл-ва...
 олень-PL-ACC-RFL.PL щипать.траву-NMLZ.LOC-PL-ACC
 ‘[Они дошли до] пастбищ своих оленей.’ [Колесникова 1966: 167]

(12) [_{NP} [_{VP} NP + V] N(NMLZ)]

⁷ Анализ в (12) не рассматривается как фразовая аффиксация, а предполагает отнесение по крайней мере части процессов словообразования к синтаксическому модулю, а не к лексикону. Имена на -в̄ун, -к̄ит, -дяк, -м̄н̄и — сложные события («complex event nominals» по [Grimshaw 1990]), анализ морфосинтаксических свойств которых невозможен без отсылки к фрагменту синтаксической структуры группы глагола.

⁸ Относительно аспектуальных аффиксов типа -де ‘IPFV’ в (11a) не существует единого мнения, являются ли они словообразовательными или словоизменительными. Согласно [Nedjalkov 1994: 15; Рудницкая 2019: 82–85], как минимум некоторые аспектуальные аффиксы, такие, как -де ‘IPFV’, -н̄на ‘NAV’ и др., по их морфосинтаксическим характеристикам, следует отнести к словоизменительным. Для краткости мы не обсуждаем возможность анализа (11a) с ирги-де-к̄ит ‘олeneводческая ферма’, (13a) с tahi-кта-м̄ни-тин ‘пастух оленей’, (13b) с ирги-чи-м̄ни-л-ду ‘олeneводам’ и т.п. как номинализации AspP. Ср. работу [Татевосов 2008].

⁹ Показатель аккузива в этом и следующем примере нулевой: этот показатель стирается перед рефлексивным аффиксом (-mi ‘RFL’; -wor ‘RFL.PL’).

¹⁰ Примеры из корпуса устных рассказов с сайта Малые языки мы приводим не в нормализованном кириллическом написании, а в фонетической транскрипции, в которой они были записаны при расшифровке.

(14) a. [*ekspeditsija-l-dū* *hawali-wunə*] *oro-r*
 экспедиция-PL-DAT работать-NMLZ¹¹ олень-PL
 ‘Олени для **работы** в экспедициях.’ [устный рассказ]

b. *dūr* *mō-wa* *mō-kā-r-bə*
 два дерево-ACC дерево-ATTEN-PL-ACC

o-ra-n *duktə-wu-r-ə-ji*¹²
 статья-NFUT-3SG колотить-NMLZ-PL-PART-RFL

‘Два дерева, две палочки сделал для **битья** в бубен.’ [устный рассказ]

В работе [Василевич 1948: 127] отмечается, что в полигусовском говоре (на основе которого был создан литературный эвенкийский язык в 1920–1930-х гг.), распространено управление имен на *-wūn(ə)* (*-wūn(ə)* в орфографии Г. М. Василевич) послелогом *дярин* (*ǰ’арин*) ‘для’, ср. (15а). *Дярин* при имени на *-wun* может выпадать (15b) без изменения значения. Если принять трактовку примеров (14а–b) как содержащих группу в качестве модификатора имени группу послелога (PostP) с выпавшим послелогом *дярин* (как в схеме (16)), то анализ этих примеров не аналогичен (9а) (для (5а), (6а)). В схеме (16) (для (14а), ср (8) в п. 3) PostP стоит в спецификаторе NP, и в структуре всей группы [модификатор + определяемое имя] нет согласовательной проекции AgrP: группы предлога или послелога могут модифицировать имя, но не согласуются с ним. Кроме того, конструкция (16) с (выпавшим) *дярин* является архаичной, а не инновационной, как (9а). Значит, конструкция (9а) — инновация в письменном языке, не встречающаяся в устной речи.

¹¹ В принципе, *-wunə* тут может глоссироваться и как назначительное деепричастие (SVB.INT). Однако SVB.INT, во-первых, не употребляется как модификатор имени, и, во-вторых, имеет скорее оппозитивно-повелительное, чем назначительное значение (INT — intentional ‘намеренный’). В этом случае весь пример переводился бы на русский язык условным предложением с *чтобы* — ср. примеры в работе [Константинова 1964: 201].

¹² В (14b) имя *duktə-wu-r-ə-ji* ‘колотить-NMLZ-PL-PART-RFL’ «для битья» обладает признаками атрибутивного имени и деепричастия одновременно: согласуется в падеже с *mō-kā-r-bə* ‘дерево-ATTEN-PL-ACC’ «палочки» (атрибутив), но присоединяет рефлексивный показатель *-ji* (деепричастие). С синтаксической же точки зрения *duktə-wu-r-ə-ji* может анализироваться и как зависимое именной группы (*dūr ... mō-kā-r-bə* ‘две... палочки’), и как деепричастие — зависимое глагола (*o-ra-n* ‘стал’, тут ‘сделал’).

- (15) а. *бэ̄жү-р-вэ* *вā-вкi-л*
 дикий.олень-PL-ACC убивать-PTCP.НАВ-PL
- [*ул̄и-вӯнэ-вэр*¹³ *ж'арин*]
 кормить-NMLZ.RES-RFL.PL для.POST
 'Зверей бьют **для пропитания** себе.' [Василевич 1948: 127]
- б. *пэктрэ-вӯн-э* *га-ø-м*
 стрелять-NMLZ.REZ-PART брать-NFUT-1SG
- [*улум̄и-вӯнэ-ви* *ø*]
 охотиться.на.белку-NMLZ.RES-RFL
 'Ружье взял **для белкования** [охоты на белку] себе.'
 [Василевич 1948: 127]

- (16) [_{NP} [_{PostP} [_{Post} **NP (на -вӯн) Post (дярин /ø)**]]] [_{N'} N]]

[Болдырев 2000 (Т. 1): 83] предлагает считать, что атрибутивное употребление имен абстрактного действия на *-кит/-к̄ит* в (5b), (6b) возникло по аналогии с конструкцией, состоящей из имени на *-вӯн* и выпавшего / нулевого послелога *дярин* 'для' в (14a–b). В примере Б. В. Болдырева *булта-к̄ит-ва тэру-ва* 'охотничий сезон' [ACC] (сезон для охоты), или в (6b) 'еда для угощения' наиболее естественно понять отношение между определением и определяемым как 'для'. Однако в (5b) это отношение скорее 'по' (училище **по** медицине, а не **для** медицины). В (6c) по смыслу нулевой Post (если его вводить) — 'с' (дорога с колеей), то есть отношение между 'дорога' и 'колея' (имени на *-дяк*) — сом. Отношения типа 'для' в (6c), как и в (5b), нет. Поэтому обоснованным выглядят и предложенный в (16) анализ определений — отглагольных имен на *-вӯн* с выпавшим послелогом *дярин* 'для' (которые встречаются в устной речи), и наш основной анализ имен на *-вӯн*, *-к̄ит*, *-дяк* в (9a)–(10). Анализ (16) основан в первую очередь на достаточно архаической конструкции. Его нельзя распространить на атрибутивное употребление *-к̄ит*, *-дяк*. Анализ (9a)–(10), более общий и допускающий согласование модификатора с определяемым именем, — это инновация, направленная на выравнивание синтаксической парадигмы именной группы с модификатором.

¹³ Рефлексивные показатели при именах на *-вӯнэ* (*-вӯнэ*) (*-вэр* 'RFL.PL' и *-ви* 'RFL') переводятся Г. М. Василевич как «себе».

5. Выводы

В работе были рассмотрены отглагольные имена на *в̄ун*, *-к̄ит*, *-дяк*. Функция данных аффиксов — образование имен с абстрактным значением или с аргументным / обстоятельственным значением, причем эти имена обозначают сложные события (*complex event nominals*) по [Grimshaw 1990]. В нашем конкретном случае в эвенкийском языке при номинализации с помощью этих аффиксов глагольная основа сохраняет часть синтаксической структуры глагола: информацию о модели управления, по крайней мере о форме прямого объекта. Этот объект присутствует в синтаксической структуре предложения, и мы считаем, что он включается в основу, к которой прибавляется показатель номинализации. Таким образом, имена — сложные события образуются путем номинализации не вершины, а глагольной группы; они не являются категориями типа X и не могут присоединять показатель атрибутивности, который в стандартном случае маркирует определение.

Используя «атрибутивную» проекцию AP, мы предлагаем формальное описание имен на *-в̄ун*, *-к̄ит*, *-дяк* как именных групп (NP), вложенных в AP и затем в AgrP (для учета случаев падежного и/или числового согласования с вершиной (определяемым именем)). Показано, как данная схема соотносится со схемой образования атрибутива с помощью показателя атрибутивности. Также показано, что использование имен на *-в̄ун*, *-к̄ит*, *-дяк* как согласующихся определений характерно только для письменного языка, и что это инновация (отсутствующая в устном языке).

Как кажется, синтаксическая конструкция [модификатор + определяемое имя] становится более регулярной: появилась новая группа имен без морфологического показателя атрибутивности, которые могут служить модификаторами — определениями имени. Это расширение атрибутивной конструкции происходит за счет отхода от более архаического морфологического ограничения на (факультативно) согласующееся определение: только основа с морфологически выраженным ATR может быть согласующимся определением. Таким образом, соотношение морфологии и синтаксиса изменяется, зависимость синтаксических конструкций от морфологических моделей понижается. Эвенкийский язык теряет свою морфосинтаксическую уникальность и морфологически редкие черты, становясь более «обычным» в типологическом плане.

Условные обозначения и сокращения

1 — 1-е лицо; 2 — 2-е лицо; 3 — 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADVZ — адвербализатор; ALL — аллатив; ATR — атрибутив; ATTEN — аттенуатив; COM — комитатив; CVB — конверб (деепричастие); DAT — датив; DSPRS — дисперсив; DUR — дуратив; EQT — экватив; HAV — хаби-туалис (аспект) или хаби-туальное (причастие); IMPER — императив; INSTR — инструмен-талис; INT — назначительное (деепричастие); IPFV — имперфектив; NFUT — небудущее (время); NMLZ — номинализатор; NMLZ.AG — номинализатор, образующий имя деятеля; NMLZ.INSTR — номинализатор, образующий имя со значением инструмента; NMLZ.LOC — номинализатор, образующий имя со значением места действия; NMLZ.RES — номинализа-тор, образующий имя со значением результата действия; PART — партитив; PL — множе-ственное число; POST — послелог; PROL — пролатив; PRS — настоящее (время); PS — посес-сивный (аффикс); PST — прошедшее (время); PSTITER — прошедшее итеративное (время); PTCP — причастие; RESID — уроженец; RFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — (причастие) одновременности; SLIP — оговорка; SUPERL — превосходная форма (прилага-тельного).

Источники

КИЭА РАН — Корпусы Института этнографии и антропологии РАН.

URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php>.

[Institute of Ethnography and Anthropology RAS Corpora.

URL: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>.]

Малые языки — Малые языки Сибири: наше культурное наследие.

URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/>.

[Extinct languages of Siberia: our cultural heritage. URL: <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>.]

Литература

Болдырев 2000 — Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Т. 1. 503 с. Т. 2. 484 с. [Boldyrev B.V. Evenkiisko-russkii slovar'. [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk: Sibirskoe otделение Rossiiskoi Akademii Nauk, 2000. Vol. 1. 503 p. Vol 2. 484 p.]

Василевич 1940 — Василевич Г.М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1940. 195 с. [Vasilevich G.M. Ocherki grammatiki evenkiiskogo (tungus-skogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) grammar]. Leningrad: Gosuchpedgiz, 1940. 195 p.]

Василевич 1948 — Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1948. 356 с. [Vasilevich G.M. Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungus-skogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) dialects]. Leningrad: Gosuchpedgiz, 1948. 356 p.]

Гращенко 2019 — Гращенко П.В. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: ЯСК, 2019. 432 с. [Grashchenkov P.V. Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad'ektivnosti i atributivnosti [Grammar of adjectives. Typology of adjectives and attributive words]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2019. 432 p.]

Колесникова 1966 — Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с. [Kolesnikova V.D. Sintaksis ehvenkiiskogo yazyka [Syntax of Evenki]. Moscow: Nauka, 1966. 247 p.]

- Константинова 1964 — Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с. [Konstantinova O.A. Ehvenkiiskii yazyk. Fonetika. Morfologiya [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow: Nauka, 1964. 272 p.]
- Мыреева 2004 — Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с. [Myreeva A.N. Evenkiisko-russkii slovar' [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 798 p.]
- Рудницкая 2019 — Рудницкая Е.Л. Общая характеристика морфосинтаксиса устного эвенкийского языка начала XXI века. СПб.: «Нестор-История», 2019. 252 с. [Rudnitskaya E.L. Obshchaya kharakteristika morfosintaksisa ustnogo ehvenkiiskogo yazyka nachala XXI veka [Issues in morphosyntax of the oral Evenki from the beginning of the XXIth century]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019. 252 p.]
- Татевосов 2008 — Татевосов С.Г. Номинализация и проблема непрямого доступа // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей к юбилею Е.В. Падучевой. М.: ЯСК, 2008. С. 750–773. [Tatevosov S.G. Nominalizatsiya i problema nepryamoogo dostupa [Nominalization and the problem of indirect access] // Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei k yubileyu E.V. Paduchevoi [Dynamic models: Word. Sentence. Text. Festschrift for E. V. Paducheva]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. Pp. 750–773.]
- Babby 1973 — Babby L.H. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian // Language. 1973. Vol. 49. Pp. 349–360.
- Baker, Vinokurova 2009 — Baker M., Vinokurova N. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations // Language. 2009. Vol. 85(3). Pp. 517–556.
- Chomsky 1993 — Chomsky N. A minimalist program for linguistic theory // The View from Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvain Bromberger. Hale K., Keyser S.J. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press. Pp. 1–52.
- Grimshaw 1990 — Grimshaw J. Argument structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 216 p.
- Jackendoff 1997 — Jackendoff R. S. Twistin' the night away // Language. 1997. Vol. 73.3. Pp. 534–559.
- Kim 1997 — Kim Y.-K. Agreement phrases in DP // UCL Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 9. Pp. 1–12.
- Koptjevskaya-Tamm, Wälchli 2001 — Koptjevskaya-Tamm M., Wälchli B. The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach // The Circum-Baltic Languages: Vol. 2. Grammar and typology / Dahl Ö, Koptjevskaja-Tamm M. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2001. Pp. 615–751.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP // Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique. 2015. Vol. 60(3). Pp. 289–325.
- Nedjalkov 1994 — Nedjalkov I. Evenki // Typological studies in negation / Kahren P., van der Berg R. (eds.). Philadelphia/ Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 1–34.
- Nedjalkov 1997 — Nedjalkov I. Evenki. London-New York: Routledge, 1997. 366 p.
- Rizzi 1990 — Rizzi L. Relativized minimality. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 150 p.
- Vilkuna 1998 — Vilkuna M. Word order in European Uralic // Constituent order 1998. P. 173–234.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

The article was received on 15.11.2019

Елена Леонидовна Рудницкая

доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН

Elena L. Rudnitskaya

Dr. Phil. Hab.; leading scientific researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

erudnitskaya@gmail.com